

УДК 81'367.7

СИМВОЛЫ РОДИНЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ АНАТОЛИЯ ЖИГУЛИНА

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор-консультант кафедры русского языка,
заслуженный работник высшей школы РФ,
член Союза российских писателей, e-mail: ifg06@mail.ru

Исследуются русские лексемы с <растительной> (<древесной>) семантикой, которые, выступают как символы Отечества (России и малой, Воронежской, родины) известного русского поэта А. Жигулина (1930–2000 гг.). Эти лексемы выбираются из текста вместе с некоторым текстовым субстратом, подвергаемым герменевтическому анализу. Инструментами такого анализа являются этимологические экскурсы с опорой на этимологические словари русского языка и опыты, основанные на работах Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, Е. Куриловича и др. Поразительными оказываются совпадения рассуждений и поэтических открытий поэта А. Жигулина с этимологическими данными и гипотезами относительно исторической родины славянства, истории Воронежской земли, а также оценки известных исторических фактов, вплоть до тех, которые выявляются на основе еще не вполне освоенной но-стратической теории мировых языков.

Чисто филологический (языковой) анализ поэтических текстов А. Жигулина не мешает сделать ряд выводов, касающихся человеческих и гражданских качеств Лирического героя поэта А. Жигулина и отнести этого выдающегося русского человека к числу панхронических *героев Времени* (термин профессора П.А. Гончарова). И, конечно, на веки вечные произнесены поэтом А. Жигулиным и его панхроническим героем пламенные слова о *Правде*: «Только полная правда / Жива и права. / А неполная правда – / Пустые слова».

Ключевые слова: Россия; Воронеж; береза; ракета; ель; сосна; герменевтический анализ; этимологические опыты.

*

Если сегодня, сейчас, в России существует подлинная, высокая, великая поэзия, равная Поэзии А. Блока и В. Маяковского, то это, несомненно, поэзия А. Жигулина (1930–2000). Объективным свидетельством таланта и несомненного успеха этого уникального автора является обилие его книг, изданных в престижных московских издательствах [1–4; 5, с. 139–143], а также переиздание некоторых из упомянутых книг на его родине в Воронеже [6].

Поэтема А. Жигулина, его система тропов, амбивалентных структур и всей поэтологии, настолько потрясает своей бездонной, многомерной семантикой и одновременной простотой выражения мысли и набора слов, что поэта и сравнить не с кем, разве только с А. Блоком. Сравняется с любимым всеми стихотворением А. Блока «*Опять, как в годы золотые...*» одно из программных стихотворений А. Жигулина:

Полынный берег, мостик шаткий.
Песок холодный и сухой.
И вьются ласточки-касатки
Над покосившейся стрехой.

Россия... Выжженная болью
В моей простреленной груди.
Твоих плетней сырые колья
Весной стараются цвести.

И я такой же – гнутый, битый,
Прошедший много черных вех,
Твоей изрубленной ракиты
Упрямо выживший побег.

...Очень похоже на А. Блока. В ключе А. Блока. Прекрасная школа А. Блока. И, видимо, – лучше, чем у А. Блока. У А. Блока Россия – в отдалении, в стороне. И она даже в какой-то степени безразлична Поэту (при всей Любви к Ней!): «*Какому хочешь чародею / Отдай разбойную красу*». Символы России: *березы, ракиты* и пр. – все только в совокупности: *лес да поле...* У А. Жигулина – все то же самое, но не как у А. Блока. А. Жигулин – **весь** в России, **внутри** Ее, почти

ставший **Ею** – благодаря судьбе и ранам, похожим на раны Родины. И каждое древо-символ – это тоже Она и Он. Россия (Родина) – как изрубленная *ракета* (слово-компаратив **как** даже не хочется вносить в текст, и поэт этого не делает, когда называет себя *упрямо выжившим побегом* вконец изгубленной, изрубленной *Родины* (= *Ракеты*). Конечно, такой живой <растительной> (<древесной>) символика у русских поэтов пока что не было. Или – почти не было. Примеры на ум не приходят. Да дело и не в этом, а в чем-то другом...

Можно долго думать о том, **как** поэт А. Жигулин достигает столь мощного воздействия на поэтические рецепторы и добивается такого действенного катарсиса при упоминании только одного слова с <растительной> семантикой: *Береза* или *Сосна*, или *Ракета*... И – вдруг становится понятно, что Поэту было дано в ощущениях видеть и чувствовать скрытую историческую картину, которая содержится в слове *Береза*, *Сосна* или *Ракета*, в звучании каждого из этих слов. Поэт (даже не употребляя здесь спасительного выражения «словно») ощущает в себе всю историю слова – от самого далекого его индоевропейского начала до тех лет, которые еще не пришли...

Это можно было бы назвать *генетической памятью* звука, если бы это не было столь экстравагантно и захватывающе, что поневоле проникаешься духом идеализма и какой-то ранее не известной мистики. Но, оказывается, нет, это – не мистика, это – реальность! В человеке иногда, хотя и очень редко, каким-то образом сохраняется и содержится такая языковая память, для которой давно уже нет никаких реальных субстратов; она, эта память, прорастает как трава, как дерево или куст. И все это, однако, хранится языком, глубинной этимологией слова, которая, видимо, доступна только очень большому поэту. А ученому? Наверное, и ученому. Ученые тоже бывают поэтами, как Ф. де Соссюр или В. фон Гумбольдт. Или граф и советский академик, наш незабвенный друг Н.И. Толстой.

*

Традиционные сравнительно-исторические этимологические словари русского языка,

такие как словарь М. Фасмера и др. [7; 8], конечно, дают многое, но не все, и не самое главное, и не всегда. Гораздо больше следует надеяться на этимологические картины, которые возникают от прикосновения к ларингальной теории Ф. де Соссюра [9], усложненной и подкрепленной исследованиями Э. Бенвениста, Е. Куриловича и др. [10–12].

Далее мы приступаем к перечню и описанию заинтересовавших нас фактов.

1. **Береза**. В праславянском языке-основе это слово выступает в форме *ber-z-a (ж. род), а еще раньше – в форме *ber-z-as (м. род) [7, т.1, с. 154] – с корневым дифтонгом *er (ларингальный вариант этого дифтонга *r̥ – в слове *br̥-z-u <борзый, быстрый, сильный и пр.>; ср. в «Песни о полку Игореве»: *бързые комони*). Праславянское слово *ber-z-a – диалектный вариант (satəm-форма), которому соответствует kentum-форма с основой *berg- слова *берег* со значением, в частности, <отчизна, родина и т. д.>.

В стихотворных текстах исследуемого поэта А. Жигулина <отеческая>, <державная>, <возвышенная> символика слова *береза*, унаследованная этим словом, как мы видим, из глубокой древности, из далеких минувших веков проявляется более всего в драматических и трагических отрывках текста; в отраженных этими текстами эпизодах мы можем констатировать огромную любовь поэта к описываемой им реалии.

Ср., например, описание гибели *Березы* (жертвенного убийства божественного *дерева* у железнодорожной колеи заключенными лагеря, среди которых был и Лирический герой поэта):

Звенел топор, потом пила.
Потом – последнее усилие.
Береза медленно пошла,
Нас осыпая снежной пылью.

Спилили дерево не зря, –
Над полотном, у края леса,
Тугие ветры декабря
Могли свалить его на рельсы...

(«Береза»)

И.-е. корень *ber- с дифтонгом *er (и его ларингальным вариантом *r̥) каким-то образом оказывается родственным аналогичному корню *ber̥- (с ларингальным вариантом *br̥-). Корень *ber̥- проявляется в современ-

ном русском слове *белый*, а его ларингальный вариант *bĕ- обнаруживается, в частности, в слове *Бог* [13].

Удивительно спокойствие умирающего *Бога*, т. е. спиленного дерева (*Березы*), как и покорный вид Всевышнего, и одновременно – постепенно возникающая тяжелая грусть Поэта:

Его спилили поутру.
Оно за насыпью лежало
И тихо-тихо на ветру,
Звеня сосульками, дрожало.

Поэт (его Лирический герой) однако успокаивает себя, как и все, какими-то расхожими словами, в общем убедительными, и постепенно (почти сразу!) привыкает к трупу *Бога*:

Зиме лет сто еще мести.
Гудеть в тайге, ломая сосны.
А нам сто раз еще пройти
Участок свой
По шпалам мерзлым.
И, как глухой сибирский лес,
Как дальний окрик паровоза,
Нам стал привычен темный срез,
Большая мертвая береза.

Амбивалентность представленных строк удивительна: русский православный народ в своем большинстве как-то очень быстро в свое время привык к навязанному ему безбожию (извне пришедшему атеизму); теперь он успешно привыкает к возрожденному православию. Но поэт А. Жигулин удивлен (потрясен!) другим: повергнутый, убиенный **Бог** остается **живым**, Он – **бессмертен** даже будучи убиенным, спиленным, как **Береза**:

Пришла весна.
И, после вьюг,
С ремонтом обходя в апреле,
Мы все остановились вдруг,
Глазам испуганно не веря:
Береза старая жила.
Упрямо почки распускались.
На ветках мертвого ствола
Сережки желтые качались

Парадокс был настолько удивителен, что Поэту и всем его товарищам потребовалось компетентное разъяснение, в чем здесь дело. И таковое разъяснение последовало:

Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить цветами **после смерти**...

На осмысление открытого парадокса Лирическому герою А. Жигулина потребовалось, видимо, все оставшееся время пребывания в Колымском лагере. Но это осмысление произошло. Ср. неназванное стихотворение А. Жигулина, в котором *березовая рошца* представлена как <Храм>:

Вхожу, как в храм,
В **березовую рошцу**,
Где мшистый пенъ –
Подобье алтаря.
Что может быть
Торжественней и проще:
Стволы дерев
И тихая заря?

Береза в данном случае описывается как *мысленное дерево* (ср. *Мысленное* <молитвенное> *дерево* Бояна в «Песни о полку Игореве») [13, с. 23-44]. Правда, у Бояна это – не *Береза*, а *Ель*. Но факт представления *дерева* в качестве иконы (образа) имеет прецедент в далеких от поэта А. Жигулина веках: глагол *мыслити* содержал в Бояновы времена значение <молиться>, а Богородичный образ в виде *Ели* угадывается в современной Богородичной иконе «*Прибавление ума*», довольно трудной для восприятия и детьми, и взрослыми. Богатое воображение А. Жигулина и его необыкновенный поэтический талант позволяли ему, подобно Бояну, проникать в смыслы слов, заложенные в них в самые древние времена и оживающие внезапно в наше время. Этому способствует, между прочим, как пишет поэт, пора «горьких дум», «черных обид» и «неутешных, подступивших слез». А. Жигулину было нелегко в жизни, очень нелегко – отсюда и его **Березовый Храм** – как *Мысленное дерево* Бояна:

От горькой думы,
От обиды черной,
От неутешных,
Подступивших слез
Иду забыть
В этот **храм** просторный
К **иконостасу**
Розовых **берез.**

Божественное осмысление образа *Березы* вполне подготовило Поэта к встрече с любимой им героиней – на монастырской или прицерковной кирпичной стене, Поэт только делает вид, что удивлен этим местонахождением дорогого сердцу дерева. На самом деле такое местонахождение естественно: *Мысленному (Молитвенному)* дереву надлежит слиться с настоящим Храмом и приблизиться к самому Кресту:

Кто занес тебя, **береза**,
На такую высоту –
Выше леса, выше плеса,
Прямо к самому кресту?
Хорошо ль тебе живется
На старинных кирпичах?
Что за птица рядом вьется
В белых солнечных лучах?

И куда ведет дорога
Вдоль синеющих столбов?
Что там слышно возле Бога,
Возле ржавых куполов?

Великолепная, естественная патетика! Даже можно позволить некоторую вольность: подарить слову *Бог* большую букву. В 1969 г., в год написания безымянного стихотворения «*Кто занес тебя, береза*», Бога подавали еще с малой буквы. Может быть, надо было бы делать так же: стихотворение ведь слегка ироническое, и поэт в конце концов знает, «почему растёт *береза* на разрушенной стене»? Конечно, знает. Потому так и пишет. *Береза* уносит с собою ввысь, к самому кресту, все былые года поэта, все его «начальные мечты». И за все надо отвечать. Поэт ищет в себе то, за что придется ответить, – с самых малых лет:

Может, это я у хлеба
Тихим мальчиком стою
И ломоть ржаного хлеба,
Глядя на небо, жую?

Хорошо, что пришла поэту такая тревожная мысль. Многим она и под самый конец жизни не приходит. Поэт осторожно об этом напоминает. Ну, а у ребятешек, которые грешат, лоя сетками мальков у плотины, в запасе еще много времени для осмыслений и молитв, хотя и не так уж много, как они думают...

*

Нам пришла пора описать жигулинский механизм соединения понятия любимого поэтотом дерева <*Березы*> с самым высоким для него понятием <*Родина*>. Механизм этот не простой, но постижимый и умом, и сердцем: на первый план выходит слово *Родина*, или слово *Россия*; слово *Береза* убирается, но от него остается след – в виде упоминания слов *роща*, *перелесок* и подобных дополнений, способных обходиться без компонента, который они дополняют. При этом совершенно понятно, что речь идет о *березах*, особенно если употреблен эпитет, характерный для *Березы* типа *белоствольная*, *желтеющая*, *белая* и т. д.:

О Родина! В неясном блеске
Я взором трепетным ловлю
Твои поселки, перелески.
Все, что без памяти люблю

И шорох роши **белоствольной**.
И синий дым в дали густой.
И ржавый крест над колокольней.
И низкий холмик со звездой..

Мои обиды и прощенья
Сгорят, как старое жнивье.
В тебе одной и утешенье
И исцеление мое.

В этом стихотворении о Родине предмет мысли и чувства не подан в названии, но имплицитно известное слово присутствует: это фактически – первое слово стихотворения. Любимое поэтом слово *Береза* тоже присутствует – в словосочетании *белоствольная роща* (роща бывает чаще всего – *березовая*, а уж если она *белоствольная*, то это непременно *березы*). Сами *березы* однако ушли на второй план, уступив место **колокольне**, явно рудиментарной, хотя и с крестом (он – *ржавый*). Но та же *ржавчина* креста – символ, и этот символ вместе с еще одним символом (*звездным холмиком*) не оставляет места растительно-древесному символизму, который, однако, теперь хоть и остается, но не выступает на первом плане: его уже почти нет, не он – главное. Но и без него – не обойтись!

Интересно употребление адъективной формы слова *береза*:

Знакомый край с холодной далью.
С тревожным шумом камыша.
Твоей **березовой** печалью,
Как прежде полнится душа.

Все те же выцветшие флаги
Качает ветер у крыльца.
И жгут костер в сухом овраге
Два босоногих огольца.

(Без названия)

В самом стихотворении словно нет иного содержания, кроме выцветших флагов, которые не обновляются и не снимаются, потому что нет ярких событий, движения мысли и чувств. Единственное, что выделяет поэт, это *костер*, который жгут в сухом овраге ребятишки, названные поэтом *огольцами*. Этим героям еще не дано понять, что такое *березовая печаль*. А это то, что лучше бы забыть, а забыть невозможно, потому что живы еще *березы* – свидетели нерадостных событий, и это они – отдых уставшей душе.

... Усталые люди на пламя глядят.
Могучие «татры» надрывно гудят.
Вцепились корнями в гранитный откос
Младшие сестры российских берез...
«У костра»

Бахрома на березах
Светла и стеклянна.
И аукает кто-то:
– Светлана!
«Светка»

Только голые камни,
Поросшие мохом.
Только клочья тумана
На стланике мокрым.

Только грязные сопки
За хмарью суровой.
Только низкое серое
Зданье столовой.

А в столовой,
Над грудями мисок порожних,
Колдовал у картины
Голодный художник.

На картине желтели
Луга и покосы.
Над рекой у затона
Стояли березы.

Баламутя кнутами
Зеленую тину,
Пастухи к водопою
Сгоняли скотину
Я смотрел на картину...
Ресницы смежались.
И деревья, и люди
Ко мне приближались.

И березы худыми
руками качали,
И коровы мычали,
И люди кричали

(«Художник»)

Ничего не скажешь. Художник был необыкновенно талантлив, если, глядя на его картину, возникали такие ассоциации, Наверное, таким же был и Поэт, приговоренный к высшей мере. Имя его А. Жигулин не называет, просто пишет по-своему – так же талантливо, как и его товарищ, стихи которого до нас не дошли:

Его приговорили к высшей мере.
А он писал,
А он писал стихи.
Еще кассационных две недели,
И нет минут для прочей чепухи.

Врач говорил, что он, наверно, спятил.
Он до утра по комнате шагал.
И старый, видно, добрый надзиратель,
Закрыв окошко, тяжело вздыхал.

Уже заря последняя алела...
Окрасил строки горестный рассвет.
А он просил, чтоб их пришили к делу,
Чтоб сохранить.

Он был большой поэт.
Он знал, что мы отыщем,
Не забудем,
Услышим те прощальные шаги.
И с болью в сердце прочитают люди
Его совсем негромкие стихи...

И мы живем,
Живем на свете белом.
Его строка заветная жива:
«Пишите честно –
Как перед расстрелом.
Жизнь оправдает
Честные слова...»

Здесь нет ни одной строчки о Березе. А все равно – прекрасно, **березово!** Хотя и горько...

2. Ракита. Праславянский корень *ог- (в столь же древнем слове *ог-к-...) означал, видимо, <трудиться, пахать и т. д.>. Он также – в древнерусском слове *ор-а-ти* <пахать>, а в слове *ратай* он в том же виде, что и в слове *ракита*, т. е. – с **а**. Ракита – дерево <рабочее>, <послушное>. Ср. у В. Даля [14]: «РАКИТА ж. разные виды ветлы, вербы, и'вы, бредины, особ. мелкие, тальник, шелюга; местами осоколь, тополь // растн. *Cytisus Nurrorhea...*». М. Фасмер полагает, что слово *ракита* в самом начале праславянском было не с **а**, а с **о**, т. е. **рокита**; этому несколько мешает слово *ратай* <пахать>, но мы вслед за Фасмером все-таки склоняемся к **о**. Ср., однако, содержательные моменты в текстах, где употреблено слово *ракита* (или *рокита*):

Над кроватью рога олени,
Древний дедовский самопал.
Я в лесное твое селенье,
Словно в сказочный мир, попал.

Дятлы щелкают деловито,
Просыпаются – чуть заря.
Возле берега на **ракигах**
Сохнут мокрые вентеры...

(«Лисица»)

Ср. еще:

Над оврагом шумит **ракита**.
Лес к зеленой реке приник...
– Очень сильно он был побитый! –
Говорит мне старый лесник.

(«Лесные дороги»)

Всякое покушение на **Ракиту** поэтом А. Жигулиным, как и героям его стихов, представляется обидой, страшной обидой, нанесенной не только Родине, но и ее сынам. Ср. жалобу переселенцев из старых московских районов в какие-то иные, очень благоустроенные районы:

И площадь дают хорошую –
Живи и не помирай.
А я не хочу жилплощади!
Ты **родину** мне отдай!..

(«Беляево-Богородское»)

Если для кого-то понятие <Родина> (в его варианте <малая родина>) сосредоточено в топониме «Беляево-Богородицкое», то для

поэта А. Жигулина это – весьма значащее для русской истории имя **Воронеж**:

Приехала мать из **Воронежа**,
Из милой моей стороны.
И мысли притихли тревожные,
И вспомнились детские сны.

Сидим, говорим про забытую,
Седую почти старину,
Про давние годы несытые,
Про дом, про родню, про войну...

И теплым дыханием **родины**
Согрет мой нерадостный быт...
Да, много нелегкого пройдено,
И много еще предстоит.
Но все же какие хорошие
Нам в жизни минуты даны!..
Приехала мать из **Воронежа**,
Из милой моей стороны.

(Без названия)

Топоним **Воронеж** мало понятен нынешним людям России, в т. ч. жителям Воронежа, хотя история этого слова до чрезвычайности интересна и парадоксальна. Протежа *v- корня *(v)orn- отрывает его от <птичьей семантики>, сохраненной в слове *орел* и еще теплящейся в слове *ворон*, ради чисто качественной семантики слова **воронной** в смысле <черный>. В топониме *Воронеж* уже ничего <птичьего> нет, все – только <черное>. Великолепные открытия профессора Д.Г. Демидова [15] дают возможность представить Бояновы *половины (полю)* Русской земли (*Белую* = <Праводнепровскую> и *Черную* = <Леводнепровскую>). *Белая земля* еще с готских времен представлялась <метрополией>, <царственным центром>, <святой землей>. *Черная земля* была <севером> или <востоком>, <окраиной>: имя *черные христиане* (отсюда *черные крестьяне*) было не вполне приятным на *Белой земле* (ср. пушкинское: «не хочу быть **черной крестьянкой**»), хотя оно свидетельствовало только о примате православно-христианской веры на Черной земле: именно там высадились апостолы во главе с Андреем Первозванным для проповеди среди местного балто-славянского (*гольтескифского*) народа Учения великого Христа-Спасителя.

Именно поэтому имя «*Северская земля*» или «*Черная земля*» всегда имело и притягательное, героическое, даже магическое зна-

чение. Один поход *северского* (*Новгород-Северского*) князя Игоря Святославича через Половецкое поле в 1185 г. значит много, если не *все*. Видимо, уже доказано [16, с. 180-193], что поход этот не был мелочно-грабительским или узко-патриотическим. Он имел высочайшие цели, значимые как для северского и всего русского народа, так и для некоторых половецких соседских племен; эта цель – освобождение русского града Тьмутараканя от хазарских и каких-то иных владельцев – во имя подготовки к неизбежному нашествию уже ожидаемых татаро-монгольских орд.

Уже говорилось о загадочной способности поэта А. Жигулина чувствовать дух и память Времени в каждом из употребленных им русских слов (в нашей статье, конечно речь идет только о *растительных* терминах, даже у'же – *древесных*). И только одно *недревесное* слово *Воронеж* (Родина поэта) врывается постоянно в наши размышления. Здесь мы добавим кое-что к тому, что сказано было о *Воронеже*. Это слово – парадоксально: в нем – *черная* (*северская* = *восточная* = *северная*) семантика, а слово проникнуто *ярчайшим светом*, *теплом*, *плодородной землей*, *любовью*. И это не удивительно: свет ведь идет с Востока. А Северская земля, скорее всего, была славянской прародиной, и даже больше – балтославянской прародиной, и это каким-то образом чувствовал поэт, говоря о таких материях (!), как *бессмертие*, *память*, *жизнь*, *любовь*, *исключительность* и т. д. Ср.:

Сырой лужок о трех **ракигах**,
Осока стылая в воде.
И ряд колосьев позабытых
На обнаженной борозде...

И на каком другом рассвете,
В какой неведомой глуши
Так ощущается **бессмертье**
Колосьев, ветра и души?

(Без названия)

О, если б все-таки оставить
В грядущей неизбежной мгле
Пусть не **жизнь**,
Хотя бы **память**
Об этой жизни на земле!

(Без названия)

Воронеж!.. Родина. Любовь.
Все это здесь соединилось.

В мой краткий век,

Что так суров,
Я принимаю словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.

(Без названия).

3. Ель. Индо-европ. корень *(j)ed- обнаруживается в словах *еда* и *один* (ср. ст.-сл. *единь* <1>) [17, с. 208-218].

Видимо, в глубокой древности слово *еда* обозначало что-то большее, чем *пища* (вообще что-либо *хорошее*, *возвышенное*, *божественное*). Отсюда и Боянова *Ель* в «Песни о полку Игореве» как *мысленное* = *молитвенное дерево* и почитание **Ели** у православных христиан, возжигание на этом дереве свечей на Рождество Христово, украшение его разными символами. В некоторых областях России, например, в Смоленске Рождественскую Ель не разбирают после Рождества до самой Масленицы (Сыропустной) недели, только тушат огни, а на масленицу они загораются снова. В деревнях и селах Псковской области [18, с. 54-60] на свадьбах невесты украшают елочками головные уборы и так снуют меж гостей, собирая подарки. Среди православно-христианских икон очень популярна Богородичная икона «Прибавление ума» со стилизованным изображением Пресвятой Богородицы в виде Ели.

Минус сорок
Показывал градусник Цельсия.
На откосах смолисто
Горели костры.
Становились молочными
Черные рельсы,
Все в примерзших чешуйках
Сосновой коры.

Мы их брали на плечи –
Тяжелые, длинные –
И несли к полотну,
Где стучат молотки.
Солнце мерзло от стужи
Над нашими спинами,
Над седыми вершинами
Спящей тайги.

С каждым часом работы
Они тяжелели,
Синеватую сталь
В наши плечи вдавив.

И сочувственно хмурились
Темные ели,
Наше дружное «взяли»
Сто раз повторив.

(«Рельсы»)

Ах, как хорошо сказано поэтом А. Жигулиным о **елях**: он великолепно уловил древние смыслы божественных еловых деревьев. Они (словно) работают вместе с заключенными, они – такие же *зека*, они кричат «*взяли*», они помогают, они – *сочувствуют!* Они, следовательно, – *свои, русские*. Они – Богородичные образы, которые горят на Рождество Христово, они все – Прибавление ума. Ай! как хорошо сказал поэт А. Жигулин о елях. Разве кто-нибудь так говорил!

И только у Ели можно что-то попросить – даже в самое что ни на есть интимное время:

Потеряла в траве заколку.
Ветерок развеивает челку.
Не грусти!
Видишь, сколько **елок**.
Мы попросим у них заколок.

Эй, девчонки!
Рыжие елки!
Дайте нам взаимы две заколки!
Две иголки, две хвоинки
Заколоть прическу Иринке

(Без названия)

И только *Ель (елка)* может помнить вместе с нами и даже больше нас что-то очень главное в нашей жизни, чего забывать не следует: военные годы и многое иное. Ср.:

Забрались молодые **елки**
В уютный старый окоп.
Сиротливо лежат осколки
На припеке песчаных троп.
(«Лесные дороги»)

Петляет дорога, ведя на проселок.
Лобастые камни лежат у ручья.
И маковка церкви за **пиками елок** –
Как дальняя-дальняя память моя
(«Дорога в Плес»).

У дороги, у **елок** густых,
Если в зыбкую чашу взглядеться,
Вдруг кольнет задрожавшее сердце
Обелиска синеющий штык.

А простор –
величав и открыт,

Словно не было крови и грусти.
И над белой сверкающей Русью
Красно солнышко
В небе горит.

(Без названия)

А вот и еще – очень близкая писательской братии и, смею сказать, ученой массе тема – невозможность сказать что-то смелое, острое, самобытное, действительно новое (теперь говорят – *креативное!*), совершенно оправданная боязнь *бульдозерной* критики:

Бульдозер в красной рубахе,
Ровняет твои бугры,
И корчатся, как на плахе,
Сарайчики и дворы.

Потом по всему порядку,
Рыча, как голодный зверь,
Срезает ножом посадку
Рябину, березу, ель...

(«Беляево-Богородское»)

Ели (Ёлки) нам, людям, помогают, потому что они – **ангелы**, постоянно нами призываемые и любимые нами (и мы ими любимы!). Ср.:

По белокрылым перелескам
В густом снегу
За рядом ряд,
Подобно *ангелам небесным*,
Земные **елочки** летят.

(Без названия)

Ели (елочки) хороши и в своих совокупностях – **ельниках, ельничках**:

Мы просто мимо проходили.
Был виден домик и заплот,
И весело зенитки били
В большой зеленый самолет.

И не попали, не попали,
Хотя так низко он летел!
И черные дымки пропали,
В дали, где **ельничек** редел.
(«Углянец»)

Спит рядами теплый **ельник**,
А у края, на юру,
Сиротинка можжевельник
Зябко ежится к утру.

(Без названия)

Ель, кстати говоря, тепла и черна, как Воронежская Земля: это, наверное, ей очень

помогает быть символом Воронежской матери-земли:

А впереди
Догорают березы,
Черная елка,
Сосна и ольха.
Тихое солнце
Глядит на покосы,
На побелевшие
За ночь луга.

(Без названия)

Черный ворон, белый снег.
Наша русская картина.
И горит в снегу рябина.
Ярче прочих дальних вех.
Черный ельник, белый дым .
Наша русская тревога.
И звенит, звенит дорога
Над безмолвием седым.

(Без названия)

4. Сосна. В этом слове – древний и. е. корень *sor-, который хорошо проявлен в слове *сопеть* (сюда же надо отнести неприличное слово *сопли* от *сопеть*); имя *дудочки-сопелочки* тоже войдет в список слов с корнем *sor-, в котором *o ларингального (по Соссюру) происхождения – из *h-. Если это наше предположение корректно, то следует искать родственное слово слову с корнем *sor- среди слов с корнем *sa- (с долгим и. е. *aa дифтонгического происхождения, т. е. *eh-). Такое слово находится в русском языке – это слово *сапа* <змея> [14]; И прасл. форма слова *сосна* была с **п**, т. е. было *sor-sna; позже согласный звук **п** выпал по закону открытого слога... Таким образом, в слове *сосна* изначально подчеркивался <шум>, видимо, <неприятный, подобный змеиному, или простудно-человеческому>. Это надо непременно учитывать при анализе поэтических тестов А. Жигулина. Ср.:

Я часто слушал утром росным,
Когда долины спят во мгле,
Как шумно с ветром спорят **сосны**
На голой каменной скале.

(Без названия)

Шум сосны (сосен), релевантный признак хвойных деревьев, передан поэтом выразительно и лаконично. Но далее поэт вынужден сказать о **силе** (мощности) этих удивительных таежных братьев наших *елей* и

берез. Его эта сила удивляет, поскольку корнями сосны опираются не на щедрые почвы, а на твердейший гранит:

И непонятно, странно было:
Здесь даже травы не растут.
Откуда жизненные силы
Деревья гордые берут?

И не ботаник в мудрых строчках –
Пастух,
Что здесь с рождения рос,
Помог найти мне самый точный,
Простой ответ на мой вопрос:

Они в гранит вросли корнями,
И зной и холод с ними деля.
Суровый, твердый этот камень
Для них – Родимая земля.

(«Сосна на скалах»)

Сосна для Лирического героя поэта Жигулина – дерево удивительное и чужое, хотя вообще-то сосны – не диво на славянских землях, в т. ч. и на Воронежской – Черной. Дело в том, что эта земля была не только прародиной славян и балтов, она была еще местом обитания и иных, древних неиндоевропейских, племен, по крайней мере – тюрков и угров. Ностратическая теория древних языков, обнаруживающих родственные связи (В.М. Иллич-Свитыч [19]) не так уж фантастична и бездоказательна, как это кажется многим.

Но в стихах А. Жигулина речь идет не о ностратической сосне, а о далекой – сибирской, и здесь хвойное дерево становилось пристанищем и другом заключенного, рабочего с черным номером на спине, оклеветанного и оторванного от своей Воронежской родины, носящего страшное звание *врага народа*:

Я спал, обняв сырую землю,
На лесосеке под **сосной**.
Осенних трав сухие стебли
Склонялись нежно надо мной.

(Без названия)

Но, конечно, не ради спанья под сосною содержали в лагерях рабочих-зеков, а для каторжного труда под самый грубый мат, от которого содрогались и ужасались сосны:

Звучало
«Первая!...Вторая!...»

Под строгий счет шеренги шли.
И **сосны**, ругань повторяя,
в тумане прятались вдали...»
(«Воспоминание»)

Объединение этих сибирских, заангарских и колымских великанов вовсе не *роща*, не *перелесок* и даже не *лес*, это что-то покруче, это совершенно не русское, это – **тайга**, с которой бороться небезопасно, но, оказывается, – надо:

Тайга за рекой пылала,
От сопок тянуло гарью.
Большущее медное солнце
Жевало последний снег.
И только сугробы палаток
В медвежьей глуши **Заангарья**
Никак не хотели таять
Назло запоздалой весне.
(Без названия)

Впрочем, если **тайга** оказывается другом ни за что оказавшегося заключенным человека, то для нее резервируется все-таки слово *лес*, правда, это особый лес – *хвойный*.

В слове *хвоя* просматривается древний индоевропейский корень **seu-*, который в более сложном слове (по закону Э. Бенвениста) переносит **e* через «стенку» **u* в следующий слог с ларингалом **h̥*, образуя с последним дифтонг **eh̥* или его ларингальный вариант, дающий впоследствии **o*; **u* при этом сливается вместе с начальным **s* в один сложный консонант, преобразуясь в **hv*; так создается бифонемное сочетание **hvo-* – начало современного русского слова *хвоя*, видимо, с корневым значением <черное>. То же «черное» значение в имени воронежской речки *Савала* эта речка протекает и в Тамбовской области (рядом с нею речка именем *Сява* – с тем же «черным» корнем). Вот как переключаются эпохи-времена. И эту переключку дано слышать Поэту... Ср.:

И уходим мы *лесом хвойным*,
Где белеет снег по стволам,
И махорку, что дал конвойный,
Делим бережно пополам.
(«Кострожоги»)

Здесь мы должны непременно добавить, что в стихотворении «Кострожоги» речь идет о двух заключенных рабочих: Лирическом герое поэта и его собрате по несчастью

пленном японце с именем *Кумияма-сан*. Им досталось на двоих полпачки махорки («махоры») – от сердобольного конвоира, которому за такую щедрость грозит немалое наказание.

Поэт свидетельствует, что сосны безжалостно уничтожаются: их рубят, жгут, и вот уж на месте старой **тайги** вырастают русские **березы**. Ср.:

И гудит вдалеке лесосека.
Стонет пихта, и стонет **сосна**...
Середина двадцатого века.
Середина Сибири. Весна.

Или: Давно уж **береза**
На тех лесосеках
Сменила
Спаленную нами **сосну**.
(Без названия)

*

Мы завершили кропотливый разбор текстов поэта А. Жигулина, в которых поэт представляет читателям набор поэтем, содержанием которых оказываются имена *деревьев* с очевидным символическим назначением. Видимо, это только начало наших рассуждений о выдающемся поэтическом авторе нашего времени. Мы употребили в слове *время* малую начальную букву, но для Лирического героя А. Жигулина мы с удовольствием резервируем и большую букву **В**, относя упомянутого героя к числу *Героев Времени*. Этот термин был относительно недавно введен в рамках Мичуринской филологической школы профессором П.А. Гончаровым [20, с. 146-148]. Ему и его ученикам мы выражаем глубокое уважение и поддержку.

1. Жигулин А. Избранное. М., 1981.
2. Жигулин А. В надежде вечной. Стихи. М., 1983.
3. Жигулин А. Весеннее имя. М., 1987.
4. Жигулин А. Полвека боли и любви. Стихотворения и проза. М., 2001.
5. Абаева Л., Коробов В., Кублановский Ю. (сост.). Анталогия современной русской прозы и поэзии «Лед и Пламень»: в 2 т. Т. 2 «Пламень». М., 2009.
6. Жигулин А. Воронеж, Родина, Любовь. Книга лирики. Воронеж, 1982.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. М., 1986.

8. Трубачев О.Н. Новые этимологические словари славянских языков // Вопросы языкознания. 1958. № 4.
9. Соссюр де Ф. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. Лейпциг, 1879 (на франц. языке) / пер. в книге: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
10. Бенвенист Э. Индоевропейское словообразование: пер. с фр. М., 1955.
11. Курилович Е. Индоевропейские этюды. Т. 1. Краков, 1935.
12. Руделев В.Г. К вопросу о консонантном составе протоиндоевропейской языковой системы // Руделев В.Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5: Мифы о редуцированных. Тамбов. 2001. С. 79-89.
13. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
15. Демидов Д.Г. Из истории непредметных имен существительных с пространственным значением в русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1986.
16. Руделев В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100).
17. Руделев В.Г. Слово и число в русских поэтических грамматиках (герменевтический анализ стихотворений Н.С. Гумилева «Слово» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125).
18. Руделев В.Г. О елочке-красе, писаной торбе и иных символах древнего русского христианства // Аспекты исследования языковых единиц и категорий в русистике XX века: сборник материалов Международной научной конференции 27–28 ноября 2007 г.: в 2 т. Мичуринск; Москва, 2008. Т. 1.
19. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, дравидский, картвельский, семитохамитский) // Этимология, 1965. М., 1967.
20. Куликова Е.В., Гончаров П.А. «Живущие в утрате»: «травмированный герой в прозе В.С. Маканина // Вестник Мичуринского аграрного университета. Мичуринск-наукоград, 2013.
2. Zhigulin A. V nadezhde vechnoj. Stih. M., 1983.
3. Zhigulin A. Vesennee imja. M., 1987.
4. Zhigulin A. Polveka boli i ljubvi. Stihotvorenija i proza. M., 2001.
5. Abaeva L., Korobov V., Kublanovskij Ju. (sost.). Antologija sovremennoj russkoj prozy i poezii "Led i Plamen": v 2 t. T. 2 "Plamen". M., 2009.
6. Zhigulin A. Voronezh, Rodina, Ljubov'. Kniga liriki. Voronezh, 1982.
7. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.: per. s nem. M., 1986.
8. Trubachev O.N. Novye jetimologicheskie slovari slavjanskijh jazykov // Voprosy jazykoznanija. 1958. № 4.
9. Sossjur de F. Memuar o pervonachal'noj sisteme glasnyh v indoevroperjskijh jazykah. Lejpcig, 1879 (na franc. jazyke) / per. v knige: F. de Sossjur. Trudy po jazykoznaniju. M., 1977.
10. Benvenist Je. Indoevropejskoe slovoobrazovanie: per. s fr. M., 1955.
11. Kurilovich E. Indoevropejskie jetjudy. T. 1. Krakov, 1935.
12. Rudelev V.G. K voprosu o konsonantnom sostave protoindoevropejskoj jazykovoje sistemy // Rudelev V.G. Sobr. soch.: v 6 t. T. 5: Mify o reducirovannyh. Tambov. 2001. S. 79-89.
13. Safonova O.V., Rudelev V.G. Nazvanija zhivotnyh kak sredstvo sozdanija geroicheskoego obraza (k rekonstrukcii i germenevticheskoj obrabotke "Slova o polku Igoreve"). Tambov, 2010.
14. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M., 1955.
15. Demidov D.G. Iz istorii nepredmetnyh imen sushhestvitel'nyh s prostranstvennym znacheniem v russkom jazyke: avtoref. dis... kand. filol. nauk. L., 1986.
16. Rudelev V.G. Smysl i cel' Poloveckogo pohoda severskogo knjazja Igorja Svjatoslavicha v 1185 g. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 8 (100).
17. Rudelev V.G. Slovo i chislo v russkijh pojeticheskijh grammatikah (germenevticheskij analiz stihotvorenij N.S. Gumileva "Slovo" // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 9 (125).
18. Rudelev V.G. O elochke-krase, pisanoj torbe i inyh simbolah drevnego russkogo hristianstva // Aspekty issledovanija jazykovykh edinic i kategorij v rusistike HH veka: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 27–28 nojabrja 2007 g.: v 2 t. Michurinsk; Moskva, 2008. T. 1.
19. Illich-Svitych V.M. Materialy k sravni-tel'nomu slovarju nostraticheskijh jazykov (indoevropejskij, altajskij, dravidiskij, kartvel'skij, semitohamitskij) // Jetimologija, 1965. M., 1967.

20. *Kulikova E.V., Goncharov P.A.* “Zhivushhie v utrate”: travmirovannyj geroj v proze V.S. Makanina // Vestnik Michurinskogo

agrarnogo universiteta. Michurinsk-naukograd, 2013.

Поступила в редакцию 14.05.2014 г.

UDC 81' 367.7

SYMBOLS OF MOTHERLAND IN ANATOLIY ZHIGULIN'S POETRY

Vladimir Georgiyevich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor-consultant of Russian Language Department, Honored Worker of High School RF, Member of Russian Writers Union, e-mail:ifg06@mail.ru

The Russian lexemes with “plant” (“tree”) semantics which are as symbols of motherland (Russia and small motherland, Voronezh) of a well-known Russian poet Anatoliy Zhigilin (1930–2000) are considered. These lexemes are selected from the text, along with some textual substrate subjected to hermeneutical analysis. Tool of this analysis is etymological digressions relying on etymological dictionaries of the Russian language and the author's experience, on the basis of the work of Ferdinand de Saussure, E. Benvenista, E. Kurilovich etc. Startling coincidences are arguments and poetic discoveries of poet A. Zhigulin with etymological data and hypotheses regarding the historical homeland of the Slavs, the history of Voronezh land, as well as evaluation of known historical facts - until those who are identified on the basis of not yet fully mastered Nostratic theory of world languages.

Purely philological (linguistic) analysis of poetic texts of A. Zhigulin don't prevent the author to draw some conclusions concerning human and civil qualities of lyrical poet A. Zhigulin and attribute to prominent Russian human heroes of panchronic time (term of professor P.A. Goncharova). And, of course, forever spoken poet A. Zhigulin and his panchronic hero and his fiery words of truth: “Only the whole truth / Alive and right. / A half-truth – / empty words”.

Key words: Russia; Voronezh; birch; broom; fir-tree; pine-tree; hermeneutic analysis; etymological experiments.